

ми русской смуты». Философ И. Ильин выявил нравственно-психологические причины, указал на то, что «Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства» [5, с. 421].

Безрадостные перспективы исторического пути России, обрисованные писателями-эмигрантами в 1920 – 1930-е гг., объяснялись, в первую очередь, слишком малой временной дистанцией, отделявшей очевидцев от недавних катастрофических событий, невозможностью в короткий срок изжить в себе ощущение ужаса, вызванное революционным террором, разрушением историко-культурных связей и традиций. Вместе с тем негативные настроения питались оторванностью от родной земли, невозможностью участвовать в жизни своего народа, наблюдать и оценивать новую Россию. Еще одним лейтмотивом мемуарной прозы были тревога за жизнь будущих поколений и желание предупредить соотечественников о надвигающихся грозных последствиях «революции-стихии», «революции-бунта», «революции-смуты», природа которой враждебна истинной культуре. Мемуаристы-писатели по-новому осветили размышления современников об историческом смысле событий в России, передали впечатления от революционной действительности, которую наблюдали собственными глазами, заострили философские и политические вопросы, которые до сих пор волнуют любознательного и неравнодушного читателя.

Литература

1. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996.
2. Бунин И.А. Окаянные дни // Его же. Окаянные дни: дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1992.
3. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники 1919 – 1941. Из публицистики 1907 – 1917 гг. Воспоминания современников. М.: Рус. кн., 2005.
4. Зайцев Б.К. Слово о Родине // Его же. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. Т. 2.
5. Ильин И.А. Родина и мы // Литература русского зарубежья: Антология: в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2.
6. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919 – 1934. М.: Собрание, 2006.
7. Куприн А.И. Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакя Далматского. Извощик Петр. М.: Раритет, 1991.

8. Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М.: Сов. Россия, 1991.

The memoirs of emigrant writers about the Russian history

There are researched the memoirs of emigrant writers (I. Bunin, Z. Gippius, A. Kuprina, B. Zaitseva) about the historic events of the far and the recent past. The key events of the modern history for memoirists – the revolution of 1917, Civil War in Russia, emigration – are comprehended by the memoirists through the comparison with the Tartar invasion, Time of Trouble; there is emphasized the uncontrollable, spontaneous, destructive character of these crisis epochs.

Key words: *memoirs, Russian abroad, comprehension of history and modern times.*

Я.В. СОЛДАТКИНА
(Москва)

ЭПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ПРОЗЕ 1930 – 1950-х гг.: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется реализация эпического мышления, свойственного культуре 1930 – 1950-х гг., в мифопоэтике русской эпической прозы названного периода. Мифопоэтические характеристики в данном типе прозы обуславливаются эпическими свойствами и установками текстов. Мифопоэтическая система произведения раскрывается в воссоздании эпической картины мира, эпическом сюжете, особенностях композиции, в финальном неомифе.

Ключевые слова: *мифопоэтика, эпическая проза, эпическое мышление, неомиф, финал, символ.*

Период 1930 – 1950-х гг. в истории отечественной культуры можно назвать эпохой расцвета эпического мышления. Актуализация этого типа художественного видения продиктована мировоззренческими и социокультурными задачами по созданию цельного, масштабного, широкого эпического образа мира, соответствующего той общественной реальности, которая складывалась при сталинском правлении. Этот государственный строй

остро нуждался в осознании собственной значимости, в философских и художественных обоснованиях великодержавных претензий. Подобно тому, как становление империи в Риме было творчески осмыслено и прославлено в эпической поэме Вергилия «Энеида», искусство в Советском Союзе побуждалось к созданию монументальных произведений, пронизанных пафосом созидания новой империи. В литературе наступает время эпики – время художественного осознания произошедшего и размышлений о путях дальнейшего развития нации.

Эпическая проза 1930 – 1950-х гг. в лучших своих образцах не просто рассматривает советскую действительность как часть эпической истории страны, а возрождает в советском социокультурном пространстве общегуманитарные, вечные ценности, без которых полноценная реализация эпического мышления, оперирующего категориями гармонии и восстановления равновесного бытия, существенно затруднена. Эпическая проза – явление, не исчерпывающееся исключительно жанром эпопеи. По концепции Н.Д. Тамарченко [2], эпическое произведение как тип художественного текста обладает следующими сущностными характеристиками. Центр эпического художественного повествования составляет особая сюжетно-повествовательная структура – «эпическая ситуация», представляющая собой «неустойчивое равновесие мировых сил; действие в целом – временное нарушение и неизбежное восстановление этого равновесия» (Там же, с. 246). Эпическая ситуация позволяет говорить об эпическом сюжете как о столкновении разнородных концепций мира и последующем восстановлении гармонии бытия. В семантическом плане с эпической ситуацией связана «эпическая картина мира», ориентирующаяся на воссоздание мироздания в его диалектической и полифонической полноте. В плане же типологии художественного сознания выделяется особый тип художественного мышления, называемый «эпическим мирозерцанием» (Н.Д. Тамарченко), «особым эпическим мировидением» (Л.Ф. Киселева) [1]. Он включает в себе установку на эпическую отстраненность и широту описываемых и осмысляемых в произведении событий.

В прозе рассматриваемого периода одним из ключевых компонентов создания эпического повествования и воплощения эпического мышления эпохи становится разветвленная мифопоэтическая система [3], пронизывающая все формально-содержательные

уровни текста. Основой для наших рассуждений служит мифопоэтика эпических произведений ведущих писателей 1930 – 1950-х гг., обладающих «эпическим мирозерцанием»: А.П. Платонова, М.А. Шолохова, Б.Л. Пастернака. Выбор именно этих писателей обусловлен тем, что творчество каждого из них представляет собой одну из повествовательных стратегий периода 1930 – 1950-х гг.: философская модернистская проза А.П. Платонова, реалистическая проза М.А. Шолохова и постсимволистская проза Б.Л. Пастернака. Различия в жанровых и стилистических свойствах произведений, в художественных интенциях их авторов не заслоняют общих эпических установок, присущих «Чевенгуре», «Тихому Дону» и «Доктору Живаго», их типологической близости, проявляемой на уровне эпических признаков повествования и специфики его мифопоэтики.

Краеугольным свойством мифопоэтики прозы рассматриваемого периода является внутренняя потребность в художественной разработке новой мифопоэтической концепции, воплощающей в себе и изменившееся мирознание нации, и те надежды и чаяния, которые связаны с ее дальнейшим духовно-нравственным возрастанием. Вера в возможность установления новой гармонии в той или иной степени отражена в рассматриваемых произведениях и М.А. Шолохова, и А.П. Платонова, и Б.Л. Пастернака. К первичным элементам этой мифопоэтической концепции мы можем отнести использование в «Чевенгуре», «Тихом Доне», «Докторе Живаго» мифопоэтических мотивов и образов, восходящих к народно-поэтическому (солнце, земля, земельная и человеческая репродуктивность, дождь и т.д.) или литературно-культурному (Фауст, Гамлет) и религиозному (идея вечной памяти) комплексам, особенно частотных при описании дореволюционного мироустройства. Эти мифопоэтические элементы в названных текстах выполняют типологически родственную функцию: с их помощью авторы воссоздают ключевые параметры системы национального мировосприятия для передачи самой сущности дореволюционного бытия и для исследования истоков революционной трагедии (крушение крестьянской жизни в «Чевенгуре», разрыв с традициями Григория Мелехова, образ «больного» общества в «Докторе Живаго»). Мифопоэтика выполняет имманентно присущую эпической прозе художественную задачу изображения эпической картины мира: за счет мифопоэтических элементов воссоздается це-

лостное представление о мире, находящемся на пороге диалектических перемен.

Эпический сюжет, содержащий в себе тему вторжения хаоса, рождает в эпической прозе необходимость поиска новой модели мира, которая в указанных произведениях 1930 – 1950-х гг. находит свое воплощение в неомифах, создаваемых авторами на основе творческого переосмысления мифопоэтических элементов первичного уровня. Поколенное революцией, эпическое равновесие требует своего восстановления как итога преодоления трагедии и национального разобщения. В художественном пространстве эпического повествования мифопоэтическая система реализует себя в таких сущностных для эпической прозы параметрах, как композиция, финал, создание эпической картины мира. В концепции Н.Д. Тмарченко «удвоение главного события и обратно-симметрическое строение сюжета можно считать достаточно надежными признаками принадлежности произведения к эпическому роду» [2, с. 246]. Многоступенчатая кольцевая композиция свойственна в равной степени всем названным произведениям: спиралевидная композиция «Чевенгура» характеризуется тем, что каждая следующая часть расширяет и углубляет мотивы и темы предыдущей; в «Тихом Доне» внутренний ритм композиции определяется уходами/возвращениями Григория Мелехова, обозначающими этапы его духовного становления; в «Докторе Живаго» тройной финал (финал основного текста, эпилога и «Стихов Юрия Живаго») образует в тексте тройное композиционное «кольцо» по отношению к заявленной в первых строках романа идее вечной памяти и вечной жизни. С точки зрения избранной темы следует отметить высокую концентрацию мифопоэтического в начальных и финальных главах текстов, позволяющую говорить о наличии художественной корреляции «начала»/«конца» текста, где первое связано с отражением дореволюционного национального мифа, а последний – с авторским неомифом о настоящем нации. По сути, на композиционном уровне мифопоэтическая составляющая смыкается с эпической, становясь одной из форм выражения последней.

Незавершенность сюжетного действия носит в эпической прозе принципиальный характер, что выражается в открытых финалах рассматриваемых текстов, становящихся при этом сферой наиболее полной образной и смысловой реализации неомифа, которому принадлежит центральное место в раскрытии эпических интенций рассматриваемой

прозы. Неомиф, создаваемый А.П. Платоновым в финале «Чевенгура», представляет собой художественную модель дальнейшего развития мирознания нации. При этом символика финала «Чевенгура» (воссоединение череды поколений через встречу (даже символическую) отца и сына, надежды на будущее развитие, продолжение существования, переданные с привлечением образа циклического умирания/возрождения природы) типологически близка финалу шолоховского «Тихого Дона» и отчасти – пастернаковского «Доктора Живаго». Подобное сходство вызвано общностью социокультурной ситуации и тех литературных тенденций, которые определяют развитие эпической прозы эпохи.

В шолоховской эпопее мифопоэтика становится сферой разрешения кризисного противостояния двух «правд», участвует в авторском «конструировании» эпически-равновесной картины нового мира. Ведущими мифопоэтическими мотивами последнего тома «Тихого Дона» становятся семантически близкие мотивы возвращения и умирания/возрождения, носящие обобщенно-мифопоэтический характер. Автор смыкает здесь патриархальные мифологемы *дома* как центра крестьянского космоса и христианскую в своей основе идею о преодолении страдания (болезни, смерти) как духовном пути к «улучшению», новому рождению. Шолохов стремится не противопоставлять два мира, а сопрягать, гармонизировать их в собственном неомифе, который смог бы примирить героя и социум. Авторский неомиф необходим Шолохову творчески и идеологически, поскольку ни одно из представленных в романе мировоззрений во всей полноте не отвечает запросам автора и его любимого персонажа. Национальный герой Григорий Мелехов не находит для себя адекватной роли в советской общественной системе.

Шолохов рисует символическую картину весеннего обновления, которая сопутствует возвращению Григория домой, его отречению от борьбы и духовному возрождению. Евангельский мотив возвращения блудного сына, связанный с идеей переосмысления прошлого и готовностью к покаянию, в художественно-трансформированном виде используется Шолоховым в сцене встречи Григория и его сына, Мишатки, перед которым Григорий опускается на колени и чьи руки целует. Этот мотив сопряжен с народно-поэтическими мотивами восстановления преемственности поколений. Объединяя мифопоэтические мотивы сходной семантики, свойственные различным мифологическим системам, Шолохов создает

собственный неомиф о постоянстве бытия, духовном возрождении личности (и всей нации) после пережитой драмы. Только в этом авторском неомифе становятся возможными примирение героя и мира, его подлинное возвращение домой и обретение сына. Автор через обращение к мифопоэтическим образам призывает нацию к отказу от гражданского разобщения, к восстановлению исконных национальных ценностей семьи, труда на земле, духовного самосовершенствования. Этот неомиф претендует на то, чтобы знаменовать собой новый этап развития национального мирознания, сохранившего в себе то положительное, что было присуще исконному народному мировоззрению.

Финал романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», пронизанный мифопоэтическими мотивами, развивает и дополняет неомиф эпической прозы. Автор использует общие для эпической прозы рассматриваемого периода мифопоэтические темы и образы: восстановление преемственности поколений, символическое обретение «потерянной дочери» (художественная вариация притчи о блудном сыне), утверждение идеи бессмертия, преодоления смерти (в памяти людской и в живом токе крови). Здесь проявляется стремление мифопоэтическими средствами выразить надежду на «новую жизнь», на неуничтожимость бытия. Пастернак в эпилоге приходит к идее национального примирения, становящегося истинным (и положительным) финалом революционных потрясений. Восстановлены прежде погамлетовски вывихнутый век, «связь времен», плывущих, как баржи каравана, на Божий суд. Мифопоэтичны все стадии трехчастного финала: а) отказ от церковных похорон, известие о потере ребенка, перекликающееся с ранним сиротством самого Живаго (мифологема умирания/возрождения); б) символическое воскресение Живаго в дочери и в творчестве; в) стихотворный финал – утверждение будущего воскресения Христа как залога всеобщего воскресения, как осевого события мировой истории. Пастернак вычерчивает цепь взаимодействий: *личностное – национальное – общечеловеческое*. Если в философском аспекте важнее оказывается *общечеловеческое*, то в мифопоэтическом аспекте именно *национальное* позволяет выявить динамику восприятия и отражения творческим сознанием мировоззрения нации.

Авторские неомифы представляют собой высокоорганизованные художественные системы, в которых узнаваемым первичным мифологемам сообщается новое художественное

и аксиологическое значение. Сутью неомифа становится описание новой эпической картины мира. Краеугольной идеей, объединяющей неомифы, созданные в рассматриваемых образцах русской эпической прозы, в единый философский и литературный феномен, является идея преодоления разобщения, примирения в надежде на нравственное возрождение и духовное взросление нации.

Обобщая вышесказанное, отметим принципиальное функционально-семантическое качество мифопоэтики рассмотренных романов: мифопоэтическая система русской эпической прозы 1930 – 1950-х гг. подчинена общим эпическим установкам этой прозы. Ее свойства продиктованы эпической интенцией текстов, что делает мифопоэтическую систему одним из конституционных средств воплощения эпического мышления эпохи. С помощью мифопоэтической системы авторами воссоздается изначальная эпическая картина мира, решается эпическая ситуация, а также подводятся смысловой итог произведения – создается финальный авторский неомиф. В этическом же отношении неомифы русской эпической прозы представляли собой художественную конкуренцию официальной сталинской идеологии и были онтологически необходимы нации, пробуждая в ней ее лучшие чувства и реализуя ее потребность в прощении, сопереживании, милосердии.

Литература

1. Киселева Л.Ф. Художественные открытия советского классического романа-эпопеи // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. М., 1978.
2. Тмарченко Н.Д. Эпика // Ее же. Теоретическая поэтика. М., 2004.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Epic thinking in the prose of 1930 – 1950s: mythical and poetic aspect

There is analysed the realization of the epic thinking peculiar for the culture of the 1930-1950s in the myth poetics of the Russian epic prose in the mentioned period. Mythical and poetic characteristics in this type of prose depend on the epic properties and purposes of the text. Mythical and poetic system of the narration is revealed in the recreation of the world picture, epic plot, compositional peculiarities, the final neomyth.

Key words: *myth poetics, epic prose, epic thinking, neomyth, final, symbol.*